

Э. И. Соломоник

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СВИДЕТЕЛЬСТВА СТРАБОНА И ДЕКРЕТА В ЧЕСТЬ ДИОФАНТА О СКИФСКИХ ЦАРЯХ

НАРРАТИВНЫЕ источники сообщают о скифах Северного Причерноморья, как правило, кратко и отрывочно, ибо греческие и римские историки обычно получали сведения о далекой северной окраине античной ойкумены из вторых и третьих рук. Лично посетили греческие города Понта лишь немногие, например, Геродот, Дион Хрисостом, Арриан. Сочинения местных историков, в том числе Сирииска из Херсонеса, до нас не дошли, хотя, возможно, были частично использованы древними авторами.

Характерна также крайняя неравномерность в распределении нарративных источников. И это понятно. Больше всего сведений поступало к грекам в периоды военных столкновений со скифами. Так, Геродот описал поход Дария, историки Филиппа Македонского — битву с Атеем, историки Митридата Евпатора — войны со Скилуром и Палаком. Их сочинения (кроме Геродота) дошли в основном в изложении более поздних авторов и часто в сокращенном виде.

В «Географии» Страбона использована обширная литература по истории и географии, неизвестная из других источников. Поэтому после Геродота Страбон является лучшим источником по истории Скифии и совершенно незаменим при изучении позднескифского государства с центром в Крыму. Сам Страбон (XI, 2, 14) ссылается на историков времени Митридата Евпатора как заслуживающих большого доверия. Именно из их сочинений он мог черпать исторические экскурсы о скифских крепостях и Диофантовых войнах. На основе тщательного анализа текста М. И. Ростовцев¹ пришел к выводу, что из историков, писавших о походах Помпея и Митридата, Страбон использовал главным образом Феофана из Митилены и Гипсикрата из Амиса, причем по однородности экскурсов о Крыме склоняется в пользу одного автора — Гипсикрата. С. А. Жебелев² называет Страбона «надежным источником», считает, что к нему «можно относиться с доверием» и подчеркивает особую важность его сведений о Крыме.

Сведения Страбона о Диофантовых войнах дополняются ценнейшим эпиграфическим памятником — почетным декретом в честь Диофанта,

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 140 сл., 143.

² С. А. Жебелев, Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья, «Античные города Северного Причерноморья», I, М.—Л., 1955, стр. 8.

вырезанным херсонесцами на постаменте его статуи в самом конце II в. до н. э.³ Так как в декрете, подробно описывающем события, не назван скифский царь Скилур, сложилось убеждение, что ко времени военных действий его уже не было в живых, а скифское государство и армию возглавил его сын Палак⁴. Это мнение повлияло и на толкование новых археологических материалов, полученных во время раскопок Неаполя Скифского, причем сообщение Страбона о Скилуре и Палаке (VII, 4, 3) оставалось без объяснения, а следовательно, ставилось под сомнение.

Правомерно ли это? Конечно, легче отбросить непонятное свидетельство, а труднее, но неизмеримо ценнее, суметь его объяснить. Быть может, и в данном случае противоречие между источниками только кажущееся и необходимо лишь более тщательное их изучение?

Подобных примеров достаточно много. Приведем лишь один, также связанный со Страбонам. Немного дальше интересующего нас отрывка (VII, 4,7) он перечисляет скифские крепости — Палакий, Хабеи и Неаполь, которые *построили* Скилур и его сыновья. Однако раскопки Неаполя Скифского показали, что этот укрепленный город существовал на сто с лишним лет раньше Скилура, а во II в. до н. э. его оборонительные сооружения были значительно усилены. На первый взгляд, эти данные казались несовместимыми, и одни обвиняли в недостоверности Страбона, а другие полагали, что археологи неверно датировали открытые ими памятники. Однако анализ текста Страбона показал, что глагол *κατασκευάζω* может обозначать не только «строить», но и «укреплять». Иной семантический оттенок глагола дал новый смысл всему тексту, который оказался в полном соответствии с датировкой археологических памятников и лишней раз подтвердил достоверность сообщений Страбона о крымских скифах⁵.

Обратимся же непосредственно к тому отрывку, в котором Страбон говорит о Скилуре и Палаке (VII, 4, 3), и посмотрим, как его понимают и переводят различные авторы.

Μιθριδάτης... πέμψας εἰς τὴν Χερρόνησον στρατιάν, ἀμα πρὸς τὸ τοὺς Σκύθας ἐπολεμεῖ Σκίλουρον τε καὶ τοὺς Σκίλουρου παῖδας τοὺς περὶ Πάλακον... .

Начнем с перевода Ф. Г. Мищенко: «Митридат... охотно послал войско в Херсонес и в то же время начал войну со скифами, состоявшими под предводительством Скилура, сына его Палака и братьев...»⁶. Слова «состоявшими под предводительством» добавлены переводчиком для пояснения, кто стоял во главе скифских войск. Слово *ἀμα* он переводит «в то же время».

В хрестоматии В. В. Латышева дан другой перевод, но сравнительно мало отличающийся от первого: «Митридат ... послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, *бывшими тогда под властью* Скилура и его сыновей с Палаком во главе...»⁷. Здесь слово *ἀμα* опущено, а пояснение переводчика выделено курсивом, причем Скилур и его сыновья представлены не только полководцами, но вождями скифов; далее в соответствии с оригиналом уточнено, что Палак был главным среди сыновей.

³ IOSPE, I², 352. Декрет хранится в Эрмитаже, инв. X. 1878. 1.

⁴ M. R o s t o v t z e f f, Pontus and Its Neighbours, САН, IX, 1932, стр. 229 сл.; С. А. Ж е б е л е в, СП, стр. 91 и 267; Б. Н. Г р а к о в, Скифы, Киев, 1947, стр. 26; о н ж е, Каменское городище на Днепре, МИА, 36, 1954, стр. 29; о н ж е, Скифы, М., 1971, стр. 31.

⁵ См. Э. И. С о л о м о н и к, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1964, стр. 14 сл.

⁶ С т р а б о н, География в 17 книгах, М., 1879, стр. 311.

⁷ Scythica et Caucasica. СПб., 1890, стр. 123. Перевод Страбона сделан С. В. Мишонниковым под ред. В. В. Латышева. Текст переиздан в ВДИ, 1947, № 4, стр. 203. Этот текст почти полностью приводит и С. А. Жебелев, добавив лишь перевод слова *ἀμα* как «одновременно с этим» (СП, стр. 92 сл.).

Наконец, в новом полном переводе «Географии» Страбона, выполненном Г. А. Стратановским, мы читаем: «Митридат ... послал войско против Херсонеса и одновременно начал войну со скифами, не только со Скилуром, но также и с сыновьями последнего — Палаком и прочими...»⁸. Прежде всего следует отметить одну досадную ошибку, которая может ввести в заблуждение непосвященного читателя: вместо «послал войско в Херсонес» написано «послал войско против Херсонеса». В остальном перевод ближе к оригиналу: выброшены пояснительные слова, *αμα* более точно передано наречием «одновременно», а *τε... τε και* — словами «не только, ... но также». Однако главенствующее положение Палака среди сыновей не указано.

Почти те же особенности и варианты можно проследить в иностранных переводах Страбона. В латинском переводе И. Казобона начала XVII в. *αμα* передано словом *simulque* (и в то же время), а от себя добавлено, что скифы находились под властью Скилура и Палака (... *qui erant sub Sciluro et Palaco* ...) ⁹. К нему близок немецкий перевод К. Керхера ¹⁰ А. Форбигер обходится без пояснительных слов, о сыновьях неточно пишет «Palacus und die Übrigen» (Палак и остальные), а собственное название города — Херсонес — почему-то переводит как нарицательное «Halbinsel» (полуостров) ¹¹. А. Тардье дает весьма вольный перевод. Так, глагол *ἐπολέμει* (стал воевать) он переводит пространным выражением «il attaquaît et réduisait par la force des armes», краткое «скифы» заменяет словами «les différentes tribus scythes», а далее пишет, что они находились под командованием Скилура, Палака и его братьев ¹². Английский перевод Г. Л. Джонса 1924 г., без изменений переданный в 1954 г., более точен, однако тоже небезупречен: «... he gladly sent an army to Chersonesus, and at the same time carried on war against the Scythians, not only against Scilurus, but also the sons of Scilurus — Palacus and the rest...» ¹³

С языковой точки зрения почти все рассмотренные переводы вполне удовлетворительны, и наш разбор может показаться излишне придирчивым. Но думаем, что это не так, учитывая важность каждой детали, меняющей историческую окраску и без того скурых сообщений древних авторов о скифах. Мы считаем, что любой переводчик вправе высказывать, но не навязывать свое мнение, а потому должен включать его не в живую ткань древнего текста, а лишь в подстрочные примечания.

Непосредственно перед интересующим нас отрывком Страбон указывает, что Херсонес вынужден был сделать Митридата простатом города из-за разорения его варварами; Митридат же, готовясь к походу на римлян, хотел подчинить варваров, живших до Борисфена и Адрия. Это соответствует сообщениям других источников о взаимоотношениях Херсонеса с Митридатом. Еще по договору с Фарнаком была обещана помощь городу в случае нападения соседних варваров. Далее, известно о нескольких посольствах херсонесцев к Митридату и Митридата в Херсонес, видимо, возобновивших старый договор о взаимопомощи. Цель похода Диофанта четко сформулирована в декрете — «ведение войны со скифами»

⁸ Страбон, География, М., 1964, стр. 282.

⁹ Strabonis rerum geographicarum libri XVII Isaacus Casaubonus recensuit, P., 1620, стр. 309.

¹⁰ Strabo's Geographie übersetzt von Karl Kärcher, V, Stuttgart, 1831, стр. 579.

¹¹ Strabo's Erdbeschreibung übersetzt von A. Forbiger, III, Stuttgart, 1857, стр. 94. Поскольку Херсонесом (по-гречески «полуостров») греки называли и весь Крымский полуостров, это вносит серьезную путаницу.

¹² The Geographie de Strabon, Traduction par Amédée Tardieu, II, P., 1894, стр. 36.

¹³ The Geography of Strabo with an english translation by Horace Leonard Jones, III, Camb. — L., 1954, стр. 233 сл. Ср. близкий ему перевод Г. А. Стратановского. Перевод В. Али остался для нас недоступным.

(IOSPE I², 352, стк. 5). Поэтому последующее изложение Страбона можно понять на основе общей ситуации как единую операцию: Херсонес обратился в критический момент за помощью к Митридату, и в ответ тот прислал войско, которое начало войну со скифами (по сообщению декрета в ходе войны к Диофанту присоединился отряд херсонесских граждан).

Определенный оттенок дает и двойной союз *τε καί*, подчеркивая одновременность борьбы и со Скилуrom и с Палаком — факт, заслуживающий особого внимания. Не вполне понятным остается слово *ἄμα*, которое Латышев совсем опустил. Действительно, к чему оно относится, что поясняет? «В то же время», «одновременно» естественно было бы связать с предыдущим событием или действием, но здесь это не подходит по смыслу, ибо сначала Митридат послал войско в Херсонес, а лишь затем оно стало воевать со скифами (если считать, что войско было послано для ведения этой войны).

Всмотревшись в синтаксическое построение фразы, мы видим, что *ἄμα* стоит не особняком, а тесно связано с союзами *τε...*, *τε καί*, т. е., возможно, относится по смыслу не к предыдущему, а к следующему за ним тексту. В таком случае оно могло служить для усиления важной для Страбона мысли (уже выраженной двойным союзом) об одновременной борьбе против двух скифских вождей. Конечно, смысл несколько затемнен тем, что *ἄμα* стоит не непосредственно перед именами, а при общем указании объекта борьбы (т. е. скифов), но ведь обе части тесно связаны между собой, и вторая только уточняет, о каких скифах идет речь. (Возможно, некоторая двусмысленность, на которую до сих пор не обращали внимания, возникла при сокращении Страбоном текста первоисточника.)

С. А. Жебелев (СИ, стр. 92 сл.) специально не останавливается на этом моменте, но на основе контекста, в котором он приводит отрывок Страбона, можно предполагать, что, по его мнению, Митридат послал войско в Херсонес и одновременно стал воевать со скифами (видимо, с помощью других войск, уже находившихся в Крыму)¹⁴.

Итак, приведем еще раз перевод всего отрывка Страбона (VII, 4, 3): «Митридат... послал войско в Херсонес и одновременно начал войну со скифами — и со Скилуrom, и с сыновьями Скилура во главе с Палаком...».

По нашему мнению (при любом толковании слова *ἄμα* = одновременно), здесь речь идет о том, что войска Митридата вели бои с двумя отрядами скифских войск, один из которых возглавлял Скилур, а другой — Палак. Отсутствие подробных исторических разъяснений вполне в духе всего сочинения географа Страбона. Ведь говоря о действиях войск Мит-

¹⁴ В процессе обсуждения этой статьи Ю. Г. Виноградов предложил еще один вариант толкования текста Страбона. По его мнению, из сттк. 5—7 декрета в честь Диофанта следует, что, приняв на себя ведение войны, Диофант прибыл в Херсонес без войска, которое там уже паходилось (ср. S t r a b o, VII, 3, 17; 4, 7 об участии в войне нескольких полководцев Митридата). Отрывок же Страбона VII, 4, 3 Ю. Г. Виноградов предлагает понимать в том смысле, что войско было послано Митридатом с двумя целями: а) для защиты Херсонеса и б) против скифов. В таком случае *ἄμα* синтаксически связывает однородные *εἰς τὴν Χερρόνησον* и *πρὸς τε τοὺς Σκύθας*, вместе относящиеся к *πέμφας... στρατιάν*. Поскольку Скилур, в декрете не упомянут, с большой долей вероятности можно предполагать о его смерти до начала Диофантовой кампании.

И это толкование не может без новых материалов убедительно разрешить все вопросы и трудности. Отметим лишь, что по поводу второго похода в сттк. 17—18 декрета сказано: «Митридат снова (*πάλιν*) послал Диофанта с войском...». Такое выражение, по нашему мнению, предполагает, что и в первый раз из Понта прибыл не только полководец, но и войско. Что же касается полководцев Митридата, то, кроме Диофанта, Страбон называет по имени только Неоптолема (II, 1, 16; VII, 3, 18), однако тот вел бои в устье Меотиды и уже после походов Диофанта (Ж е б е л е в, СИ, стр. 287; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 305). О возможной деятельности других полководцев мы не имеем прямых свидетельств.

ридата в Крыму, он не излагает последовательно этапы борьбы, потребовавшей организации нескольких походов, а лишь дает их общий итог.

Если мы верно поняли свидетельство Страбона, то мысль о двух фронтах могла найти какое-то подтверждение в других источниках и прежде всего в декрете в честь Диофанта. Но сначала скажем несколько слов о характере самого декрета.

Декрет выделяется среди херсонесских надписей подробным описанием событий, относящихся к различным районам Крыма. С. А. Жебелев (СП, стр. 94) отметил, что события излагаются в декрете, как это принято в документах, последовательно, а касающиеся непосредственно Херсонеса — с особой обстоятельностью.

Изучая источники Диодора по поводу междоусобной войны сыновей Перисада I на Боспоре, В. В. Струве¹⁵ пришел к интересному выводу, что Диодор использовал (вероятно через перипатетика Дурида) труд местного историка, жившего в Херсонесе в IV в. до н. э. Этот древнейший историк нашей страны, заключает В. В. Струве, «стал основоположником исторической школы Херсонеса, из которой вышли и Сириск и автор изложения декрета в честь Диофанта»¹⁶.

История первого похода Диофанта в Крым, прибывшего в Херсонес для ведения войны со скифами, изложена в декрете следующим образом: он отважно совершил со всем войском (παντί τῷ στρατοπέδῳ) переправу, но Палак внезапно (αἰφνιδίως) напал на него с большим полчищем (μετὰ ὄχλου πολλοῦ), однако Диофант выиграл битву и обратил скифов в бегство (сткк. 6—9). Здесь автор декрета подчеркивает наступательный характер действий Палака и элемент внезапности, поставившие Диофанта в трудное положение, но одновременно он противопоставляет нестройной толпе скифов (ὄχλος) организованное войско Диофанта (στρατόπεδον)¹⁷.

Затем Диофант занялся другими делами: подчинил себе соседних тавров и отправился на Боспор. Только после возвращения в Херсонес он как бы перешел ко второму этапу борьбы со скифами, проник вместе с отрядом херсонесцев в центральные области Скифии и добился того, что скифы сдали ему царские крепости Хабеи и Неаполь. Тогда Херсонес счел себя уже освобожденным от владычества (ἐπικρατείας) варваров (сткк. 12—15). Как видим, перед нами две военные операции против скифов: сражение с войсками Палака и поход в глубь Скифии на царские крепости Хабеи и Неаполь. Причем блестящей победы над большим войском Палака было недостаточно для исхода войны; для этого потребовался еще один поход, где Палак уже не упоминается.

Во время второго приезда Диофанта в Крым события развиваются в той же последовательности, но с еще большим успехом. Он одержал решительную победу над Палаком и его союзниками ревксиналами, так что из пехоты никто не спасся, а из всадников лишь немногие (сткк. 26—28)¹⁸. В условиях древности такой полной победы над всем войском Палака было вполне достаточно, чтобы с триумфом вернуться назад. Ведь Херсонес

¹⁵ В. В. Струве, Личность автора древнейшего труда по истории СССР, «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», М., 1967, стр. 7—19; он же, Исследования по отечественному источниковедению, Труды ЛОИИ, вып. 7, М.—Л., 1964, стр. 62—85.

¹⁶ В. В. Струве, Древнейший историк СССР, Сб. статей ЛГУ памяти акад. И. Ю. Крачковского, Л., 1958, стр. 161.

¹⁷ Ср. рассуждение Страбона (VII, 3, 17) о том, что всякое войско варваров бесцельно перед правильно построеной и хорошо вооруженной греческой фалангой; так, 50 тыс. роксоланов, пришедших на помощь Палаку, не могли устоять против 6 тыс. человек, выставленных Диофантом.

¹⁸ Заметим, что, говоря об этой битве, Страбон (VII, 3, 17) называет одного полководца — Палака, и это также подтверждает предложенное нами толкование.

стремился в этой войне не к захвату новых земель, а лишь к освобождению от скифского владычества (ἐπικρατείας), т. е. от какой-то формы зависимости (подобно Боспору и Ольвии). Однако Диофант вскоре вновь совершает поход на Хабеи и Неаполь (сткк. 28—31; конец сбит).

Смысл действий Диофанта становится ясным, если в соответствии со свидетельством Страбона предполагать, что у скифов были две части войск, с которыми греки должны были вести бои. Судя по декрету, скифские полководцы придерживались разной военной тактики: молодой Палак предпочитал активные наступательные действия, а второй вождь (видимо Скилур), защищая крепости, вел оборонительные бои. Конечно, вызывает недоумение, почему в декрете не назван Скилур, если он принимал участие в войне. Но столь же удивительно молчание Страбона, если Скилур умер в начале войны (особенно учитывая роль царя и полководца в древности). Однако, хотя одни факты подробнее изложены в декрете, о других событиях и именах мы узнаем только из книги Страбона. Приведем несколько примеров.

В декрете говорится об основании Диофантом нового города (сткк. 9—10), у Страбона (VII, 4,7) указано его название — Евпаторий. Вряд ли автор декрета мог не знать, как была названа новая крепость, но он опустил эту подробность, зато подчеркнул жизненно важный для Херсонеса момент, связанный с ее возникновением, — подчинение Диофантом живших там тавров¹⁹. В декрете упомянуты союзники Палака — ревксиналы (стк. 23), Страбон (VII, 3, 17) добавляет имя их предводителя Тасия и численность (около 50 тыс.)²⁰.

Наконец, Страбон (VII, 4, 7) рассказывает о длительной осаде скифами порта Ктенунт в начале войны (декрет об этом, видимо, сознательно умалчивает) и называет три крепости, служившие им опорными пунктами, — Палакий, Хабеи и Неаполь (в декрете же Палакий отсутствует).

Приходится допустить, что автор декрета счел возможным не называть имя Скилура. Тогда сразу напрашивается другой вопрос: кто же был царем скифов во время Диофантовых войн? Еще первый издатель декрета в честь Диофанта В. Юргевич²¹ обратил внимание на этот момент. Кроме предположения, что к началу войны Скилура уже не было в живых, он отметил и другую возможность — передачу Скилуром Крыма в удел своему сыну. Аналогичное суждение одновременно с В. Юргевичем высказал издатель декрета П. Фукар²². Комментируя эту надпись, В. В. Латышев²³ присоединился к мнению своих предшественников, что Скилур уже тогда умер или (как полагал Фукар), возможно, разделял царскую власть с сыном (*Schlurum iam tum mortuum fuisse aut certe cum filio regnum conso-ciasset...*). К сожалению, в дальнейшем второе предположение было оставлено без внимания и постепенно забылось. Однако на основе рассмотренных текстов ясно напрашивается вывод об одновременном правлении двух скифских царей — Скилура и Палака.

Поскольку у нас нет сведений о подобном двоевластии у скифов, можно

¹⁹ Отметим попутно, что выражение декрета: τοὺς δὲ παρακρούτας Ταύρους В. В. Латышев переводит как «окрестных тавров». Ср. Ж е б е л е в, СП, стр. 95. Д. М. Пиппиди полагает, что тавры здесь названы паракрами, т. е. зависимыми земледельцами. См. «Archeologia», IX, Warszawa, 1959, стр. 91—97; D. M. P i p p i d i, Contribuții la istoria veche a României, București², 1967, стр. 553 сл. (франц. резюме). Однако Л. Робер не согласен с мнением Пиппиди (REG, 87, 1974, стр. 249, № 381).

²⁰ Имя этого народа, по Страбону, — роксоланы, что, видимо, одно и то же. Ср. P t o l., III, 5, 7.

²¹ Ю. Ю р г е в и ч, Псифизм древнего города Херсониса..., ЗООИД, XII, 1881, стр. 16.

²² P. F o u c a r t, Décret de la ville de Chersonésos..., BCH, V, 1881, стр. 79.

²³ IOSPE, I², 352, стр. 305.

думать, что оно было вызвано особыми, экстраординарными обстоятельствами. Интересную аналогию дает система престолонаследия, сложившаяся в соседнем Боспорском царстве при династии Спартокидов, правивших до конца II в. до н. э., — два старших сына делили власть с престарелым отцом, а после его смерти становились соправителями²⁴.

Не только прославленного Митридата, но также Скилура и Палака Страбон называет без титулов (ср. Plut., Moralia, 511 с), очевидно, считая это общеизвестным, а потому излишним (однако он подчеркивает совместную деятельность Скилура и Палака по сооружению трех крепостей). В то же время царский титул Скилура надежно засвидетельствован монетами,чеканенными в Ольвии²⁵, и надписью на постаменте его статуи из Неаполя²⁶, а Палак назван царем в декрете Диофанта.

Есть все основания связывать с Палаком одноименную крепость, где, вероятно, и была его резиденция²⁷. Палакий, по всей видимости, находился ближе других крепостей к Херсонесу²⁸, и именно отсюда Палак совершал свои набеги на город и его хору, а затем активные наступательные действия во время Диофантовых войн. Херсонесские войска, вероятно, также делали попытки напасть на крепость, о чем свидетельствует надгробие херсонесца, погибшего под Палакием во второй половине II в. до н. э.²⁹

Таким образом, Палак был главным врагом Херсонеса. Поэтому ему и уделено основное внимание в декрете в честь Диофанта. Однако его крепость Палакий там не упоминается, что можно объяснить двояко: либо ее захватил не Диофант, а отряд херсонесских войск (как Калос Лимен и Напит), и этой победе был посвящен специальный декрет, либо ее вообще не удалось взять, и в декрете Диофанта еще одна красноречивая фигура умолчания.

В итоге получается так: в одном случае автор декрета говорит о царе (Палаке), но не называет его крепость, в другом, наоборот, упоминает крепость, но опускает имя царя. Быть может, второе частично компенсируется определением Хабей и Неаполя как *τὰ βασιλεία* (царские). Ведь не случайно же здесь употреблено это слово, кстати, часто обозначающее столицу.

Большинство исследователей, начиная с И. Бларамберга, отождествляют городище, находившееся на окраине Симферополя, с Неаполем (ныне это юго-западный район города). Остальные скифские крепости до сих пор не удается локализовать³⁰. Интенсивные раскопки наиболее крупных

²⁴ И. Б. Брашинский, О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов, ВДИ, 1965, № 1, стр. 118—127; о н же, «Клио», 52, 1970, стр. 46.

²⁵ П. О. Бурачков, Общий каталог монет греческих колоний Причерноморья, Одесса, 1884, табл. IX, № 203 сл.; А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, 16, 1954, стр. 137.

²⁶ IOSPE, I², 668.

²⁷ Мы уже высказывали мнение, что имя Палак и название Палакий, вероятно, восходят к скифскому этнониму *Πάλο* у Диодора (II, 43). См. Соломонок, ук. соч., стр. 12. Там же мы сопоставляли название скифской крепости Напит с другим скифским этнонимом, засвидетельствованным Диодором и другими авторами. Ср. А. А. Беленский, Греческие элементы в географических названиях Крыма, «Этимология, 1967», М., 1969, стр. 205, где автор возводит топоним Напит к греч. *νῆπι* и *νῆπιος* без указания на другую возможность его толкования.

²⁸ См. Соломонок, ук. соч., стр. 96 сл.

²⁹ Там же, № 44. Разумеется, говорить о резиденции Палака во время войны, исходя из названия крепости, можно лишь условно (ведь сравнивают же название Илурат с именем Скилура), но для нас здесь важно главным образом расположение крепости, а не ее название.

³⁰ О. Д. Дашевская, К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбонам, ВДИ, 1958, № 2, стр. 143—150.

скифских городищ (Неаполя, Кермен-Кыра, Усть-Альминского и др.) должны ускорить решение этого важного вопроса.

Интерпретация полученных археологических материалов дает много нового, но часто вызывает серьезные разногласия среди исследователей. Руководитель Тавро-скифской экспедиции П. Н. Шульц определил открытый в 1946 г. в Неаполе мавзолей с богатыми захоронениями как усыпальницу скифской знати, а монументальную каменную гробницу, ради которой, очевидно, был сооружен мавзолей, — как погребение царя³¹. Так как находки в этой гробнице П. Н. Шульц датировал второй половиной II в. до н. э., он высказал предположение о принадлежности ее скифскому царю Скилuru³². На основе тщательного изучения инвентаря мавзолея Н. Н. Погребова уточнила датировку многих вещей и пришла к выводу, что погребение в каменной гробнице относится к рубежу II—I или, скорее, к началу I в. до н. э., а поскольку Скилур умер ко времени походов Диофанта, то в ней, вероятнее всего, похоронен его сын Палак³³.

Как видим, конечный вывод автора покоится на общепринятом толковании письменных источников. Если же исходить из иного понимания текстов, то убедительная датировка каменной гробницы, предложенная Н. Н. Погребовой, не будет противоречить гипотезе П. Н. Шульца об ее принадлежности царю Скилuru. Поскольку Скилур, по нашему мнению, принимал участие в Диофантовых войнах, происходивших в последнее десятилетие II в. до н. э., он мог дожить до начала I в. до н. э. Однако этой гипотезе как будто препятствует тот факт, что погребенному в каменной гробнице было 40—45 лет (по определению М. М. Герасимова)³⁴, а Скилuru к I в. — значительно больше.

Передатировка мавзолея имеет большое значение для общей оценки положения скифского государства в I в. до н. э. Ведь только получив назад от Митридата царские крепости и восстановив хотя бы частично свое могущество после Диофантовых войн, скифы могли построить столь богатую царскую усыпальницу. В связи с этим стоит обратить внимание на свидетельство Мемнона из Гераклеи Понтийской (I—II вв. н. э.). Описывая в трактате «О Геракле» обстановку перед войной Митридата с Римом в начале I в. до н. э., Мемнон³⁵ сообщает, что римляне стали подозрительно относиться к замыслам Митридата и порешили, чтобы он возвратил скифским царям их родовые владения (*τὰς πατρῶας ἀρχάς*). Он неохотно повиновался этому приказанию...

Не следует ли понимать под родовыми владениями скифских царей известные нам скифские крепости, построенные Скилуром и его сыновьями? Теперь нас не смутит, что Мемнон говорит здесь не об одном скифском царе, а употребляет множественное число *Σκυθῶν βασιλευσιν* (скифским царям или царям скифов). Наоборот, это вполне соответствует нашему представлению о возможном двоевластии в позднескифском государстве³⁶.

Мы не знаем, дожил ли Скилур до этих событий, но по легенде, переданной в двух вариантах Плутархом (современником Мемнона), Скилур, ви-

³¹ П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя Скифского, М., 1953, стр. 6, 21—25.

³² Шульц, ук. соч., стр. 25. К аналогичному выводу пришел и М. М. Герасимов, которому был передан для изучения череп из каменной гробницы (см. М. М. Герасимов, Восстановление лица по черепу, М., 1955, стр. 573—579).

³³ Н. Н. Погребова, Погребения в мавзолее Неаполя Скифского, МИА, 96, 1961, стр. 174—179.

³⁴ Герасимов, ук. соч., стр. 576.

³⁵ Мемн. XV, 30, 2—3 (*Scythica et Caucasica*, I, стр. 510). Из того же сообщения Мемнона, подтвержденного Алпианом, известно, что Митридат заключил союз со многими варварскими народами и царями, в том числе и скифскими. Но здесь, видимо, речь идет о скифах, живших около Боспора (App., *Mithr.* 78).

³⁶ Plut., *Regum et imper. apophth.*, 174E; *Moralia*, 511c.

димо, заботился перед смертью о сохранении единства и силы скифского государства. Он предложил сыновьям разломить связку дроти́ков (по другому варианту — прутьев), рассказывает Плутарх, а когда эта задача оказалась непосильной, легко сломал их поодиночке, пояснив, что, «действуя заодно, они останутся сильными, а разделившись и враждуя друг с другом, будут слабы».

Легенда могла возникнуть и после смерти Скилура, отражая междоусобную борьбу между многочисленными сыновьями Скилура. Этот период остается пока темным из-за отсутствия ясных письменных свидетельств, но и немногие намеки наряду с материалами раскопок показывают, что после Диофантовых войн скифское государство не прекратило своего существования. Гибель Митридата в 63 г. до н. э. еще больше помогла ему оправиться от катастрофы и накопить силы для нового подъема в I в. н. э. при царе Фарзое ³⁷.

Наконец, говоря о царстве Скилура и Палака, нельзя обойти молчанием находку в 1827 г. мраморного рельефа на городище Керменчик. По аналогичным изображениям на монетах царя Скилура И. Бларамберг ³⁸ определил на нем парное изображение Скилура и Палака II в. до н. э. Сто лет спустя П. Н. Шульц вернулся к этому вопросу, нашел в музее Академии художеств в Ленинграде гипсовый слепок с пропавшего рельефа и дал подробную характеристику памятника, полностью присоединившись к мнению И. Бларамберга ³⁹.

В 1962 г. Л. А. Ельницкий ⁴⁰ выступил с критикой определения рельефа Бларамбергом и Шульцем, считая их аргументы неубедительными. По его мнению, рельеф не имеет отношения к скифам, а повторяет изображение даков на колонне Траяна в Риме и других памятниках II в. н. э. и, видимо, пошел в Крым из района Придунавья.

Спор этот до сих пор не решен, и, прежде всего, искусствоведы не сказали своего веского слова по поводу отнесения рельефа ко II в. до н. э. или ко II в. н. э., т. е. к искусству эллинистического или римского времени. Не пытаясь вторгаться в чужую сферу исследований, мы хотим лишь высказать некоторые соображения, причем в самой предположительной форме.

Подбирая аналогии рельефу, П. Н. Шульц ⁴¹ привлек бактрийские монеты II в. до н. э. с изображением Диоскуров и мраморный рельеф из Херсонеса с двумя всадниками в остроконечных шапках, который он датировал I в. до н. э. (возможность, что на этом рельефе тоже изображены Диоскуры) ⁴². Напрашивается вопрос: быть может, рельеф из Неаполя также посвящен Диоскурам? Однако Диоскуры были по мифу

³⁷ Д. С. Раевский (ВДИ, 1973, № 2, стр. 117 сл.) на основе надписи из Неаполя IOSPE, I², 669 называет еще одного скифского царя I в. до н. э. — Ходарза, не соглашаясь с поправкой В. В. Латышева, принятой и нами (НЭ, III, 1962, стр. 35). Еще раз вернувшись к оригиналу, мы убедились, что след от первой буквы слишком незначителен и не может быть уверенно восстановлен. Но даже если настаивать на букве Г, то и тогда можно дополнить целый ряд имен: Ἰλεός, Νελεός, Οίλεος, Ἀσιλεός и даже Βασιλεός. Поэтому чтение «царь Ходарз» — это только одна из многих возможностей, о которой допустимо говорить лишь в самой предположительной форме.

³⁸ I. B l a r a m b e r g, De la position de trois forteresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon, Одесса, 1831 (русский перевод в ИТУАК, 1889, № 7).

³⁹ П. Н. Шульц, Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака, КСИИМК, XII, 1946, стр. 44—57.

⁴⁰ Л. А. Ельницкий, По поводу портретных скульптур скифских царей Скилура и Палака, СА, 1962, № 3, стр. 289—291.

⁴¹ Шульц, Скульптурные портреты..., стр. 50.

⁴² А. Н. Щеглов, Фракийские почитательные рельефы из Херсонеса Таврического, МИА, 150, 1969, стр. 141—143 (на основании аналогий из Болгарии Щеглов датирует этот рельеф первыми веками н. э.); П. Н. Шульц, Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского, СА, 1969, № 1, стр. 132.

близнецами, а на рельефе мы видим старца и юношу с длинными волосами⁴³. Интересен и такой момент: высокие мягкие шапки перевязаны лентами со спускающимися вниз концами. Такие повязки не встречаются ни на изображениях Диоскуров, ни на изображениях даков, но хорошо известны на монетах некоторых скифских царей как знак царского достоинства (диадема)⁴⁴.

Для времени эллинизма характерна деификация (обожествление) и культ царей, получившие полный расцвет в эпоху римской империи. Еще Александра Македонского почитали как сына Аммона, а затем как сына Зевса, Перисада I признали богом, а Митридата VI — новым Дионисом. Нельзя ли предположить, что греческий мастер изобразил скифских царей в виде богов — Диоскуров?

Не предпрешая вопрос о датировке рельефа, он все же представляется нам парным портретным изображением скифских царей-соправителей, а потому, скорее всего, — Скилура и Палака. Такой памятник мог быть создан при их жизни или в период второго подъема государства в I—II вв. н. э. в честь выдающихся скифских царей. (Если мастер работал во II в. н. э., то он мог придать форме одежды некоторые детали, заимствованные из римских рельефов, изображающих варваров; отсюда и сходство с даками.) Образ Диоскуров как нельзя лучше подходил для этой цели. Греки считали их символом неразлучной дружбы, укротителями коней, покровителями воинов, в Афинах — верховными правителями (*ἀνακτες*), в Спарте — защитниками государства. Весьма соответствовал скифам и внешний облик Диоскуров: в плащах и мягких шапках, часто верхом на конях и с копьями в руках. Кроме того, культ Диоскуров с III в. до н. э. получил большое распространение в античных городах Причерноморья, в том числе в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. Оттуда он, видимо, проник и в Неаполь Скифский, где были найдены две бронзовые статуэтки этих богов⁴⁵.

Резюмируем все сказанное.

1. Анализ сообщения Страбона (VII, 4, 3) показывает, что Скилур мог принимать участие в Диофантовых войнах. Отсутствие его имени в декрете в честь Диофанта (IOSPE, I², 352) привело к неверному предположению, что Скилура тогда уже не было в живых и скифское государство и войско возглавлял его сын Палак.

2. Из того же текста Страбона следует, что войска Митридата сражались с двумя отрядами скифов, один из которых возглавлял Скилур, а другой — Палак. Этот вывод находит некоторое подтверждение в описании хода военных действий в декрете в честь Диофанта.

3. В конце II в. до н. э. в скифском государстве установилось совместное правление Скилура и Палака, сходное с системой престолонаследия у Спартокидов в соседнем Боспорском царстве.

4. Царское погребение в каменной гробнице мавзолея Неаполя Скифского убедительно передатировано Н. Н. Погребовой рубежом II—I или, скорее, началом I в. до н. э., а следовательно, мавзолей был построен после Диофантовых войн.

5. На мраморном рельефе из Неаполя, возможно, изображены скифские цари-соправители в образе Диоскуров.

⁴³ Лукиан в рассказе об Орсакومه указывает, что аланы не носят таких длинных волос, как скифы (L и с., Тох. 51). Длинные волосы у скифов и на многочисленных золотых изделиях.

⁴⁴ А. В. Орешников, О монетах скифских царей с именем города Ольвии, ЗРАО, IV, 1890, № 9, 12 и табл.

⁴⁵ Шульц, Бронзовые статуэтки Диоскуров..., стр. 120—136. Автор датирует одну статуэтку III—I вв. до н. э., а другую — I—II вв. н. э.

Необходимо еще раз вернуться к иконографии монет и рельефа, а также к краниологическому материалу из мавзолея, и совместными усилиями различных специалистов прийти к более определенным и убедительным выводам. В сочетании с письменными источниками это даст нам новые интересные факты из истории скифского государства с центром в Крыму ⁴⁶.

THE EVIDENCE OF STRABO AND OF THE DECREE HONOURING
DIOPHANTOS ON THE REIGN OF TWO SCYTHIAN KINGS

E. I. Solomonik

The author presents a comparative analysis of the information on the Scythian kings Scilurus and Palacus provided by Strabo and other narrative sources on the one hand and, on the other, by the decree honouring Diophantos (IOSPE I² 352) and certain other archaeological evidence. According to Strabo VII 4,3, Scilurus could have participated in the actions against Diophantos. The absence of his name in the decree has led some scholars to the erroneous opinion that at this time Scilurus was already dead and that his son Palacus was ruler of the Scythian state and commander of its troops. However, from Strabo's text and from the account of military actions given in the decree it follows, in the author's opinion, that the forces of Mithridates VI engaged two detachments of Scythians, one led by Scilures, the other by Palacus. The author suggests that at the end of the 2nd century B. C. joint rule had been established by Scilurus and Palacus, an institution similar to that obtaining in the Bosphoran kingdom under the Spartocids. It is possible that two Scythian kings, ruling jointly, are represented in the guise of the Dioscuri on a marble relief from Scythian Neapolis. N. N. Pogrebova's date for a royal burial in a stone tomb in the Neapolis mausoleum (turn of the 2nd to 1st centuries or beginning of the 1st century B. C.) allows the possibility that the mausoleum was built after the successful Diophantian campaigns. This would mean that the Scythian state did not cease to exist but soon recovered from that military catastrophe, sufficiently to gather strength for a new spurt of prosperity in the 1st century A. D.

---

⁴⁶ Когда эта работа была уже подготовлена к печати, вышла статья П. О. Карышковского («Археология», 9, 1973, стр. 28—33), в которой он высказал предположение, что на монетах Скилура изображен не царь, а скифское божество (Геракл-Таргитай или Зевс-Папай). Такая трактовка, вероятно, вызовет серьезные споры среди нумизматов и заставит тщательнее изучить весь круг вопросов, связанных с этими монетами. Трудно говорить о степени сходства монетных изображений с оригиналом, но портреты царей на монетах (иногда в образе богов) получили широкое распространение в эпоху эллинизма во всем античном мире. А совсем недавно Д. С. Раевский вернулся к вопросу о локализации скифских крепостей (ВДИ, 1976, № 1, стр. 102—107), поддерживая и развив мысль О. Д. Дашевской, что городище Керменчик следует идентифицировать не с Неаполем, а с Палакием.